

Петр ШМАКОВ

(Окончание. Науч. в №81)

Сестры смотрят на нее тоненькая девушка, с живой улыбкой и веселым взглядом. Смотрит на Евдокию Федоровну и будто бы зовет ее своим именем. Да, вот такой была Дуниша в двадцать лет, нынешняя Евдокия Федоровна... Да, быстро идет время. Ах, ты жизнь, жизнь... Скоротечна и ты. За работой и не заметишь — осталась старой девой. Одно утешает Евдокию Федоровну: по душе когда-то выбрала себе профессию врача и

— Ну, вам же. Я же разбудил вас? Извините.

— Не разбудили. Давно не сплю. Размечталась тут о всякой всячине. Говорят, что воспоминания о прошлом — признак старости.

— Наоборот: человек молодой не должен забывать о прошлом. Евдокия Федоровна, у меня к вам разговор есть. Надо увидаться.

— И серьезный разговор? — полшутки спросила она.

— Очень даже. Особенно для меня.

— Что ж, моя должность обязывает помогать людям.

БАГУЛЬНИК

РАССКАЗ

не раскивается. А замужество что? Не жить же с человеком, если к нему нет любви, нет душевного трепета от каждой встречи с ним. В таком случае уж одной... А вообще-то, Дуниша, были у тебя женихи? Были они и немало. Да вот душа не вспыхивала. А так ли? Неужто и не вспыхивала? Когда это было? Несколько лет назад.

В отпусок она поехала в Забайкалье, к подруге по институту. Городок Слюдянка стоит на самом берегу озера Байкал. С одной стороны горы, с другой — водная гладь. В разное время смотришь на Байкал и он всегда разный. Слово бы мигнул в себя все юрские, какие существуют, и в равной мере отступает их на поверхность. Потом приехал на гастроли иркутский театр. Они с подругой пошли смотреть спектакль «Заводские ребята».

Рядом сидел военный. Он напросился проводить подругу. С этого и началось знакомство Каменцевой с Георгием Смольяниновым. Каждый вечер ходили в горы и там жгли костер, любовались ночным Байкалом, звездами небом.

Как-то пошли они в горы смотреть зацветающий багульник. Очарование того дня до сих пор стоит перед глазами у Евдокии Федоровны. Маленький кустарничек, Сережничек, неяркий, безлиственный, низкорослый. На третье утро только они дождались чуда. Багульник вспыхнул голубым огнем. А голубым ли? Не синим? Голубым. Точно голубым. Что творилось в то розное утро на душе — плохо помнится. Будто потеряла она вес, поднялась всясь, растроилась над всей землей и сама запылала голубым огнем.

И Гоша показался ей тем утром прекрасным парнем, единственным человеком, открывшим ей мир в сказку. Они взялись за руки и побежали к озеру. Накатывались навстречу волны, ветер ласково касался их лиц...

А что же потом было? Как они разошлись с Гошей? У нее все плыло в глазах. Она сняла от радости, забыв обо всем. Это розовое утро и... вдруг его руки, крепкие и жадные...

Вот видишь, Дуниша, мы с тобой и поменяли о прошлом. Было время мы ездили с тобой по разным городам, а потом поняли, искать счастье на путях-дорогах очень сомнительно. И правильно поняли... Евдокия Федоровна вздрогнула от неожиданности и не сразу поняла, что такое. Она поднялась в постели, дотянулась до трубки.

Евдокия Федоровна? — послышался мягкий голос Молотова. Она инстинктивно подтянула одеяло к подбородку, емоционно отвела:

— А кому звоните?

Собственно, возражений не имею. А кто там у вас разговаривает? — Евдокия Федоровна уловила в трубке непонятный разговор.

— А это моя дочурка домогается. Ей, видите ли, шоколадки захотелось... Значит, и вас жду на вашей улице у краеведческого музея. Хорошо?

— Хорошо. По-пушкински у нас получается: и ждет... минуту верного свиданья.

— Пусть так и ждет, Евдокия Федоровна.

Каменцева положила трубку и почувствовала в сердце легкую оторопь. Опять вспомнились заросли пышно расцветающего багульника, росное утро, синие байкальские дали. И тут же все прошло. Подспудно билась мысль: получится ли что? Не ушло ли время встреч и ожиданий? Она хорошо понимала, о чем поидет разговор. Однако решила: поговорить можно.

Поднялась. Оделась. Перед зеркалом убрала прическу. На столе был завтрак: кофе, бутерброд с маслом. Отпила из чашечки кофе, еще раз взглянула на себя в зеркало. Оттуда смотрела еще милостивая женщина с большими карими глазами. Но под этими красивыми темными глазами сеточкой разбежались, вьедливые, тонкие морщинки. Усмехнулась самой себе Евдокия Федоровна, сказала вслух:

— Как ждет любовник молодой минуту верного свиданья...

И ЕЩЕ один день. Низкое, серое небо. Редкие снежинки плывут в тишине. И от этих снежинок дома обновилась, посвежел от белизны, Евдокия Федоровна постояла, посмотрела вокруг и ощутила в себе умиротворение. Она даже обрадовалась, что вышла на улицу. Шла не торопясь, как-то разом видя тополя, опущенные снегом, воробьев, прыгающих под ногами, осевшие от перегруза автобусы, что проходили по центральной улице, редких прохожих, а думалось о разговоре с Молотовым.

В думках этих не было ничего конкретного. Встретятся, поговорят о погоде, о вчерашнем кинофильме, вспомнят что-нибудь из своей врачебной практики и обязательно смешное и... простятся.

Молотов появился неожиданно. Он вывернулся из проулка, взволнованный и обрадованный. Видно, ожидал и не надеялся уже на встречу. Он протянул Евдокию Федоровну руку, сказал:

— Спасибо, что пришла. Теперь такой уговор. Сейчас свернем на аллею, там не помешает нам говорить, и я выскажусь, а вы не перебивайте. Потом ваше решение. На любой ответ не обижусь...

— Жена у меня умерла два года назад. Осталась дочка Наташа. Ей скоро будет пять лет.

Возраст, сами понимаете, когда ей нужна мать. Да и мне, в моем возрасте, трудно одному воспитывать девочку. Вы мне по душе. Больше того... я вас... давно знаю. Вы мне... ну... больше скажу: подлюбились вы мне. Наташке я всегда говорю, что наша мать уехала в командировку и скоро вернется. Она каждое утро, просыпаясь, твердит: мама не приехала? А я, просыпаясь, думаю о вас...

Все это время, пока говорил Виктор Васильевич торопливо и взволнованно, будто боясь, что его не дослушают и уйдут, Евдокия Федоровна шла молча, не поднимая головы на Молотова. Она не все улавливала, что говорил он. В голове у нее проносились короткие, до конца не осознанные мысли. Что мне делать? Ведь не горит душа. Нет любви, хотя человек он приятный и иррациональный. Неужели так у всех бывает: спокойно решают вопрос о совместной жизни? И чтобы оправдать это спокойно, придумывают слова о любви?..

— И еще одна просьба. Не торопитесь с ответом. Пойдите ко мне, познакомьтесь с Наташей. И тогда решайте. Мне думается: она вам понравится. Я живу совсем недалеко...

У подъезда рядком стояли кусты карагача. Они сухо поскрипывали оголенными ветками.

Евдокия Федоровна медленно поднималась по ступенькам следом за Молотовым и ощущала в себе горячую нервную дрожь. Чем выше поднималась, тем сильнее и беспокойнее билось сердце. Зачем согласилась пойти? Право, как девочка. Чужая семья. Дочурка его ждет мать, а приходит совершенно чужой человек. Зайдет, побудет немного и уйдет. Растравит сердце девочки новой надеждой...

Молотов вставил ключ в замочную скважину, и Евдокия Федоровна заметила, как трясется у него руки. Лицо бледное, глаза испуганные. Он тоже переживает. Как отнесется Наташа к чужому человеку? Евдокия Федоровна подумала: ему тоже трудно, тоже не сладко. И желание как-то помочь Молотову, и боязнь перед Наташкой смешались в душе и отдавались знобкой болью в сердце.

Дверь открыта, и надо войти. В прихожей Молотов зашевелился, стал помогать Евдокию Федоровну раздеваться. Она распахнула шубку, и в это время из комнаты выбежала девочка, круглолицая, курносенькая, с голубенькими глазенками, чисто обихожная. Она замерла в простенке дверей, прямо смотрела на Евдокию Федоровну и тут же, словно подстегнутая, взвилась, обвила ее за шею, закричала:

— Мама приехала! Мамочка!!!

Евдокия Федоровна подхватила девочку на руки. А Наташка дергалась всем телом, плакала и смеялась одновременно, терлась, как котенок, и спрашивала:

— Ты почему долго не приезжала? Ты не любишь Наташку? Я же всегда тебя слушаю?!

Евдокия Федоровна не могла сдержать слез. Она только и говорила:

— Багульничек ты мой. Багульничек розовый...

Редактор
В. В. КОРАБЛЕВ.

// Заветы
Ленина,
1976,
25 мая, с. 4.